

ИСТОРИЯ

Научная мысль конца XIX – начала XX века и рефлексии Ф. Ф. Зелинского

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

В статье рассматриваются рефлексии Ф. Ф. Зелинского, связанные с осмыслением достижений в области естественных, философских, психологических и социально-экономических наук в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: естествознание, психология, эволюционизм, «биологизм», «этический биологизм», «философия жизни», «экономический материализм», Фр. Ницше, А. Шопенгауэр.

Scientific Thought of the end of the XIX – the beginning of the XX-th century and F. F. Zelinsky's Reflexion

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

In the article are considered F. F. Zelinsky's reflexion connected with understanding of achievements in the field of natural, philosophical, psychological and social-economic sciences in the end of the XIX – beginning of the XX-th century.

Key words: natural sciences, psychology, evolutionism, "biologism", "ethical biologism", "philosophy of life", "economic materialism", Fr. Nitsshe, A. Schopenhauer.

В науке в конце XIX – начале XX века в изучении как закономерностей, так и феноменальных проявлений существования космоса, природы, общества и человека были сделаны поразительные открытия. Осуществлённые в обстановке единого интеллектуального пространства достижения точных и естественных дисциплин становились достоянием специалистов в области естествознания; гениальные предвидения и идеи гуманитарных наук вдохновляли представителей номотетических областей знания. Отрасли наук, между которыми раньше не обнаруживалось ничего общего, оказались связанными в единую систему знания, своими достижениями взаимно обогащая друг друга. Так, история и филология стали проявлять интерес к экспериментальной психологии. Некоторые любопытные заключения из этих и других наук, освоивших правила симбиоза, стали достоянием российских гуманитариев, и Ф. Ф. Зелинского в том числе [1].

По мнению Ф. Ф. Зелинского, XIX век ошеломил образованную публику «головокружительным прогрессом естественных наук», которые имели целью «обнаружение правды, находящейся вне нас» [2]. К числу таких выдающихся открытий профессор относил теорию «естественного подбора» Ч. Дарвина [3], которая вскоре, заимствованная специалистами различных отделов естествознания, эволюционировала в сторону «социального подбора». Термин «социальный подбор» нередко использовал в своих публикациях и сам Ф. Ф. Зелинский [4]. Большое впечатление на учёного производил и принцип эволю-

ционизма. Впервые применённый В. Гумбольдтом при объяснении языковых явлений, принцип эволюционизма был перенесён в область биологических наук для изучения явлений «материальной природы» [5], и на протяжении многих десятилетий, начиная с 60-х гг. XIX в., теория эволюционизма определяла развитие естественных наук [6], постоянно вторгаясь, между тем, в сферы социологии и истории.

Из сочинений Ф. Ф. Зелинского явно следует, что он был увлечён биологией и заимствовал наиболее примечательные её идеи и принципы, используя их при популяризации истории и культуры античных народов. К примеру, «находясь на вполне твёрдой биологической почве», он восхвалял греческий народ за характерную для него «инстинктивную нравственность», которая оказалась настолько здоровой, что «создала единственную в мире выживающую культуру» [7]. Она подчинила себе Рим, а оттуда перешла и к новым народам, чтобы, сохранив свою самобытную силу, продолжать оказывать влияние на современность. Эту миссию никогда не смогли бы и не смогут выполнить, по его мнению, самые «живучие» культуры – мусульманская и буддийская, которые, по сравнению с греческой, выглядят «побеждёнными или побеждаемыми» [8].

В размышлениях Ф. Ф. Зелинского о предназначении античной культуры и её влиянии на современность трудно не заметить увлечённость профессора «биологизмом». Он производит современную культуру от античного «семени», заявляя, что этим «семенем» мы много раз «опло-

дотворяли и ещё будем оплодотворять питомники своей культуры, спасая их от истощения и вырождения...» [9], и в подтверждение своего «биологического взгляда на историю культуры» приводит примеры скрещивания пород из ботаники и зоологии [10]. Действие закона подбора, предполагающего постоянную борьбу за существование всех живых организмов (включая социальные структуры), Ф. Ф. Зелинский постоянно обнаруживает в жизни людей и созданных ими общественных институтов. В борьбе побеждают сильнейшие, поэтому, перенося в ходе своих рассуждений акценты из области растительного и животного мира в детально известную ему плоскость – образовательный процесс, Ф. Ф. Зелинский утверждает, что и школа не может уклониться «от общего закона жизни», поэтому классические гимназии должны доказать своё право на существование и, приняв вызов общества, вступить с ним в борьбу [11].

Не противопоставляя естественно-научные (номотетические) дисциплины описательным (идиографическим), Ф. Ф. Зелинский не табуировал и принятые в естествознании методы исследования, считая позволительным экстраполировать их на научное пространство обществознания, причём как на познание жизни «единиц», так и на изучение существования «народов и человечества» [12].

Дополнительные перспективы, по мнению Ф. Ф. Зелинского, перед учёными-античниками открывали возможности сотрудничества со специалистами наиболее современных в то время научных дисциплин, причём не только филологических (например, сравнительного языкознания), но и тех, что были сориентированы на непознанные ещё области существования человека и общества, к примеру, психологии [13], которая в XIX в. приступила к рассмотрению души индивидуума и духовной жизни человеческих сообществ [14].

Душа, превратившаяся в предмет научных изысканий психологов, открывала, как им казалось, широкие горизонты для изучения явлений сознания, характерных и для человека, и для «духовного характера» целых народов [15]. Эти заявки психологов вселяли в Ф. Ф. Зелинского обнадеживающую уверенность познания творчества художников слова, выступавших носителями идей, настроений, «духа» греко-римского народа. Кроме того, выявление психологических характеристик, свойственных сознанию и подсознанию больших общественных групп, привлекало

его надеждой исследования их ментальных характеристик и особенностей «национального характера» [16].

В своих зрелых работах, например в «Истории античной культуры», Ф. Ф. Зелинский называл психологию наукой, которая «лежит в основе всех вообще гуманитарных наук», так как психология – «это наука о человеческом сознании вообще» [17].

Интерес к психологическим характеристикам античных народов не был для Ф. Ф. Зелинского данью моде. В своих исследованиях он стал стремиться усложнять традиционный в изучении древних литератур филологический метод широким привлечением психологических методик и выводов. Наибольших успехов он достиг в сравнительном анализе идеологии различных исторических эпох, пытаясь распознавать мировоззренческие проблемы при помощи народной психологии. Методы научных изысканий, предложенные Ф. Ф. Зелинским, поэтому получили название культурно-психологических [18].

Даже во время своих занятий в гимназии он объяснял языковые явления не иначе как с точки зрения «психологии фактов» [19]. В лингвистике он видел «исповедь народа» [20], в грамматике выделял «логические и психологические моменты» [21] и очень увлекался невидимыми мыслительными механизмами, которые определяли сознание школьников разных возрастных групп [22]. Он гордился знанием классических языков, которые позволяли ему всегда «оставаться в области интеллектуализма» [23], и призывал лучших выпускников гимназий осваивать «умственную культуру древних – их религию, философию, искусство» [24].

Объяснив сферы сознания и подсознания человека античности наиболее притягательным предметом своего научного интереса, Ф. Ф. Зелинский хотел разобраться в подходах, существовавших в то время для познания души человека. Рубежная пора XIX–XX вв. была «эпохой скитания мыслей и чувств» [25], источавшей немало научных и псевдонаучных идей о сущности человеческой природы и способах её постижения. Очевидцы тех лет единодушно утверждали, что интеллектуальная среда отличается исключительным полифонизмом [26]. Действительно, в истории культуры человечества трудно назвать хотя бы ещё одну эпоху, когда, как в конце XIX – начале XX в., сознание интеллектуала могло бы так щедро питаться пышным многоцветием столь интересных, но при этом полярно противополо-

ложных идей и воззрений на природу человека, общества, динамику развития человечества. В едином духовном пространстве антропософии и обществознания соединялось несоединимое: распространявшийся марксизм и неизжитое полностью гегельянство, рационализм как индикатор прорыва мышления к постметафизическим построениям и иррационализм определяли направления развития философской мысли, реализм и импрессионизм, романтизм и декаданс, символизм и акмеизм подчиняли себе художественное творчество [27].

Сам Ф. Ф. Зелинский называл надвигавшийся XX в. «отрицательной эпохой» [28], вкладывая в это определение свою растерянность от натиска на его сознание как нового, так и квазинового, возникающего только из-за «жажды новизны», которая заставляет людей «от здорового обращаться к болезненному и вымученному, от простого к замысловатому, от ясного к туманному» [29].

Современные специалисты называют начало XX в. временем обострения эстетической чувственности, религиозных исканий, повышенного интереса к мистике и оккультизму. Среди интеллигенции наблюдались декадентские настроения, формировался неоидеализм, искавший новые абсолютные ценности [30].

Переходный характер исторического времени породил эсхатологические ожидания, религиозные искания в духе Нового Откровения, жаркие споры о синтезе христианства и язычества. Сильные мистические настроения проникали в художественное творчество и науку. Идеи эзотеризма и герметизма распространявшихся восточных религиозно-философских учений усиливали интуитивизм, веру в бессмертие, допускали ощущение реальности трансцендентного. Осознание несовершенства мира делало допустимым богоборчество. Страх перед «опасностью притаившегося хаоса», неверие в возможность избежать всеобщего распада размывали очертания ценностей и антиценностей, отсюда – обострённое стремление осуществить духовное преобразование мира через раскрытие творческой природы человека на основе признания множества исходных точек поиска иного [31].

При такой плотности идеологических конструкций, философских способов осмысления реалий, амбивалентных нравственных взглядов и настроений, многочисленных исторических объяснений и оценок моделей существования человека и общества каждый учёный имел возможность выбрать наиболее близкую его внутренним

ощущениям концепцию видения культурно-исторических процессов. В то же время нельзя исключать и того обстоятельства, что в обстановке идейного брожения и методологического хаоса сознание мыслителя нередко подчинялось авторитету создателей оригинальных теорий. В этом случае учёному редко удавалось сохранить верность своим прежним мировоззренческим ориентирам. Он превращался в эпигона великих мыслителей, проявляя в своём творчестве взгляды, ценности и настроения в основном заимствованные, а не свойственные лично ему.

Не избежал этой участи и Ф. Ф. Зелинский. Обладая возможностью работать в крупнейших научных центрах Европы [32], постоянно предпринимая поездки в Грецию и Рим, он чаще многих своих российских коллег оказывался в атмосфере рождения новых философских и социологических теорий, распространения новых познавательных установок. Знание многих европейских языков позволяло ему осуществлять знакомство с работами известных зарубежных философов, что называется, по горячим следам. Кроме того, приучив себя интересоваться всем, что так или иначе было связано с античностью, он с энтузиазмом поглощал соответствующую научную продукцию, вызывавшую интерес в Европе. Отсюда – эклектизм и противоречивость ряда выдвигаемых им положений, разброс интересов, приводящий к поверхностным, а порой и необоснованным суждениям, увлечённость проблемами, уже поставленными в науке его предшественниками.

Из текстов и контекста произведений Ф. Ф. Зелинского становится ясно, что он был хорошо знаком с состоянием «умственной культуры» Европы рубежной эпохи. Он нередко упоминает имена известных зарубежных деятелей культуры и выражает своё отношение к результатам их научных занятий. В своих трудах Ф. Ф. Зелинский использует популярные в риторике его времени лексические единицы, литературные обороты, методы рассуждений и умозаключения, свидетельствующие о его осведомлённости как в идейных спорах, теоретических разногласиях представителей рациональных и иррациональных культурно-исторических подходов к изучению прошлого, так и в результатах наиболее близких его потенциалу учёного научных дискурсов, связанных с рассмотрением форм духовного творчества в античности и психологией творческой личности.

В его сочинениях мы обнаруживаем имена европейских мыслителей эпохи Просвещения

(Ф. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, И. Винкельмана), философов XIX в. (В. Вундта, В. Гумбольдта, Фр. Ницше, Г. Спенсера, Фр. Паульсена), отдельные положения теоретических размышлений которых ему казались наиболее привлекательными. Ф. Ф. Зелинский был знаком со взглядами «отца современного социализма» Ф. Лассаля и «историка материализма» Ф. А. Ланге. Он интересовался результатами исследований выдающихся европейских историков (Ф. де Куланжа, Эд. Мейера, Т. Моммзена, Б. Г. Нибура, Л. Ранке, И. Тэна), а также археологов (Гента, Гренфелля), эпиграфистов (У. Вилькена, Р. Вюнша, Одоляна, Цибарта). Его привлекали труды по экономике (К. Бюхер), истории права (Ж. Б. Миспулле), истории нравов (О. Йегер, Л. Фридлендер). Вместе с тем наибольшую эрудированность Ф. Ф. Зелинский демонстрирует в тех областях научного знания, которые представляли для него как учёного «широкого профиля» особую актуальность: филологии (он упоминает имена К. Бругмана, О. Буше-Леклерка, У. Виламовица, Э. Курциуса, М. Мюллера, Ф. Мюллера, Нордена, Г. Остгофа, А. Шлейхера), психологии (называет труды П. Брокá, М. Лацаруса, Пауля, К.-А. Штейнгаля), истории религии и мифологии (представляет сочинения Г. Виссовы, А. Гарнака, Г. Зибека, Ю. Липперта, Х. А. Лобека, А. Ревилля, Рейценштейна, Ж. Ренана, Роде, Сент-Круа, Т. Тиле).

Имена соотечественников называются в сочинениях профессора значительно реже и только в связи с открытиями, по мнению Ф. Ф. Зелинского, действительно достойными внимания. Б. А. Тураев превозносится им как оригинальный исследователь культа египетского бога Тота [33], С. П. Трубецкой отмечается как крупный специалист по проблеме Логоса [34], М. И. Ростовцев называется российским первопроходцем в изучении тессер [35], Н. И. Кареев и И. М. Гревс представляются обладателями противоположных мнений о степени развития товарно-денежных отношений в античности [36].

Частота упоминаний деятелей зарубежной культуры, к примеру, философов (А. Шопенгауэр [37], Фр. Ницше [38]) и поэтов (И. В. Гёте [39], Г. Гейне, Ф. Шиллер [40]), позволяет понять идейные предпочтения профессора, выявить его художественные ориентиры, конкретизировать мировоззренческие приоритеты.

Проникнутые духом иррациональных умонастроений философские учения А. Шопенгауэра и Фр. Ницше не могли не привлечь внимания

Ф. Ф. Зелинского, потому что основными направлениями его собственных исследований, наиболее отчётливо определившимися к началу XX в., стали душа человека античности и религиозное сознание греко-римского общества. Ф. Ф. Зелинский явно находился под впечатлением от ряда философских идей Фр. Ницше и даже раскрывал их содержание учащимся классических и реальных гимназий. К примеру, отголоски положения Фр. Ницше о двух началах человеческой души, так называемых «двух “я”», можно выявить, когда профессор объясняет учащимся специфику общественного мнения, давая им понять причины возникновения противоположных взглядов и суждений, или когда характеризует произвольные заблуждения «совокупного общества» – толпы. Рассмотрев содержание «большого “я”» – подсознательного элемента психики, властно управляющего состоянием «малого “я”» – сознанием и поведением человека, Ф. Ф. Зелинский на примерах из мировой истории доказывает силу неосознаваемых человеком элементов его психики. Истребление первых христиан на аренах амфитеатров, борьба «остервеневшего» испанского общества с еретиками, а оболваненного немецкого – с ведьмами, узаконивание института рабства в Америке и крепостного права в России – являлись выражением «большого “я”», которое прежде выдавалось за голос Бога, хотя в действительности это происходило из-за активизации «малого “я”» по воле элиты, умело манипулировавшей «общественной волей».

Ф. Ф. Зелинский считал подсознание выражением божественного разума и уповал на то, что в дальнейшем под влиянием трансцендентной «таинственной воли» будет определяться исключительно культурное развитие человечества [41].

Ф. Ф. Зелинский разделял и другие положения «философии жизни» Фр. Ницше. Так, немецкий учёный выявил у греческого народа «инстинктивную нравственность» и утверждал, что эллины, обладая наилучшим «здоровьем», смогли подчинить себе культуру европейских народов. Эти мысли импонировали убеждениям Ф. Ф. Зелинского, который, считая Фр. Ницше «проповедником этического биологизма», а себя – сторонником «непреодолимого закона подбора» [42], признал инстинктивную нравственность греков «самой здоровой из всех. Потому самой здоровой, – пояснял профессор, – что она создала единственную в мире выживающую культуру» [43].

Специалист в области античной культуры, Фр. Ницше отвергал неогуманистическое пред-

ставление о греческой культуре как о «благородной простоте и спокойном величии», указав на два начала, которые, по его мнению, определяли развитие эллинского художественного творчества: «аполлоновское» (гармоничное, рассудочное) и «дионисийское» (оргиастическое, страстное). Этот вывод философа нашёл отклик в творчестве Ф. Ф. Зелинского, который в религиозном сознании греков также обнаруживал аполлоновские и дионисийские составляющие, хотя гораздо большее значение придавал взаимодействию религии Зевса с заимствованной эллинами у народов Востока религией Аполлона [44].

Положение об индивидуализме человека античности (в отличие от социально организованного современного человека) [45] Ф. Ф. Зелинский также присвоил, изучая труды «пророка крайнего индивидуализма Фр. Ницше» [46], наряду с рассуждением об античности как о «семени», а не о «норме» современной цивилизации [47], которое стало краеугольным камнем теории прогресса петербургского учёного.

Вместе с тем нельзя не заметить, что, симпатизируя нищезанству, Ф. Ф. Зелинский не оказался в его плену. Идеалу культуры, которому он старался следовать, была чужда волевая, сильная, безжалостная личность, готовая встать «по ту сторону добра и зла» и действующая по принципу «падающего подтолкни», – идеал Фр. Ницше. Ф. Ф. Зелинский стремился проповедовать вечные ценности (которые Ницше считал иллюзией [48]) – истину, добро, красоту [49].

Либеральные взгляды Ф. Ф. Зелинского заставляли его также ревизовать русскую этическую традицию жалости и жертвенности, покровительства таланта и трудолюбия. В отличие от Фр. Ницше, он считал одним из главных достижений культурного прогресса человечества появление «новой и чудесной» идеи – «нравственного закона, который велит человеку любить своего ближнего, не толкать падающего... а, напротив, протянуть руку помощи, поделиться с ним своим избытком» [50]. Только в первобытном обществе, рассуждал Ф. Ф. Зелинский, убивали неспособных к труду стариков, повинувшись действию одного-единственного закона – борьбы за существование. В «культурном обществе» любовь к старикам заставляет трудоспособную часть общества делиться с ними хлебом; участие в судьбах «неудачников» обязывает остальных заботиться о них, а не истреблять: строить больницы, психиатрические лечебницы, тюрьмы [51]. Вопреки лозунгу нищезанцев избавляться от слабых, бес-

помощных, нищих духом ради «достижения... бóльшего физического и умственного совершенства», Ф. Ф. Зелинский, опротестовывая подобные способы создания «сверхчеловека», заявлял: «Мы не желаем такого физического и умственного совершенствования, которое окупается ценой нравственного вырождения» [52]. Ему претил также христианский нигилизм Фр. Ницше: разоблачение христианской идеологии терпения, предназначенной исключительно для несчастных, неверие в преобразующую личность силу христианских проповедей [53]. Ф. Ф. Зелинский воспринимал христианство нравственным ориентиром современного общества, убеждающим верующих в том, что «дурное оказывается нежизнеспособным и гибнет; хорошее, будучи жизнеспособным, выживает или возрождается» [54].

В своей статье «Фридрих Ницше и античность», написанной в 1912 г. [55], Ф. Ф. Зелинский без тени преклонения перед немецким мыслителем предельно просто передал содержание двух центральных идей его философии: идеи «сверхчеловека» и идеи «вечного возвращения», подчеркнув при этом, что обе они были заимствованы из греческой поэзии и науки о мудрости и лишь «наречены» Ницше «собственными... придуманными именами» [56]. В связи с этим Ф. Ф. Зелинский обратил внимание читателей на то, что влияние Ницше на современную философию ничтожно, в то время как искусство, музыка, поэзия, популярная этика уже насквозь пронизаны его идеями, а «мужественная сила и красота его мышления и слова... глубокая честность его исканий» способны завербовать ещё тысячи новых поклонников [57].

Говоря о влиянии на него Фр. Ницше, Ф. Ф. Зелинский прежде всего отметил, что немецкий философ ему близок как человек, блестяще знавший античность, поклонявшийся и любивший «античность трагической эпохи – досократовскую Грецию» [58] настолько, что увидел в этой далёкой эпохе импульсы развития современности: преодоление пессимизма и разочарования в жизни пропагандой силы и радости, духа соревновательности, пробуждение в человеке стремления к первенству и власти [59]. Кроме того, Ф. Ф. Зелинский рассматривал заслугу Фр. Ницше в том, что он обратил интерес своих почитателей к античности, а это, по соображениям профессора, было весомым вкладом в трансляцию идей третьего Ренессанса и приближение нового культурного подъёма в Европе и России.

«Наэлектризованная ожиданием перемен духовная атмосфера» России, несомненно, стала благоприятной средой для распространения идей Фр. Ницше, хотя религиозная экзальтированность русской интеллигенции не всегда способствовала адекватному пониманию его философии [60]. И всё же, если верить Ф. Ф. Зелинскому, Фр. Ницше пользовался в России гораздо большей популярностью, чем его соотечественник А. Шопенгауэр. Философия А. Шопенгауэра оказалась интересной, по его мнению, лишь той части интеллигенции, которая принимает «уродливость» декадентского искусства и поощряет распространение «культурных мутантов» типа «арабомании... индомании... японщины» [61].

Для Ф. Ф. Зелинского как «научно настроенного человека» [62] состояние усталости, отчаяния, неверия в возможность одоления человеком роковых сил – всё то, что ассоциируется с пессимизмом Шопенгауэра, – было чуждо. Учёный не сомневался и в том, что умонастроения А. Шопенгауэра не примут широкой популярности в современном ему российском обществе, потому что они имеют чужеродные русскому сознанию и менталитету культурно-исторические истоки [63]. «Придёт время, – пророчествовал Ф. Ф. Зелинский, – и это новое станет старым, избитым, пошлым и подвергнутым двойному осуждению, и за болезненность, и за пошлость... а забытое старое воскреснет...» [64]

Истинный поклонник античности и почитатель иррационального, Ф. Ф. Зелинский остался в стороне и от символизма [65], распространявшегося во всех сферах художественного творчества, включая изучение мифологии древних народов. В отличие от символистов, находивших «всё таинственное, сокровенное, чудесное» на Востоке, признававшимся не только родоначальником всего мистического, но и колыбелью человеческой культуры» [66], Ф. Ф. Зелинский начал отсчёт истории культуры человечества от истории Древней Греции [67]. Он опровергал убеждение символистов в том, что «Греция – это тот же Восток» [68], и поражался тому, как быстро в сознании символистов девальвировались их прежние кумиры – «образы гомеровского Олимпа»: они «поблекли перед призраками, показавшимися из-за... полумрака индийских пещер» [69]. Для Ф. Ф. Зелинского «народоинтеллектуалистом, создавшим логику и философию вообще», были греки [70], поэтому претензии символистов на открытие новых осново-

положников культурных ценностей человечества он считал необоснованными.

Сдержанная отстранённость и полуиронический тон высказываний, присущие авторской манере учёного при оценке философских учений и направлений развития художественного творчества, покидают Ф. Ф. Зелинского при рассмотрении популярных на рубеже XIX–XX вв. социологических построений. К их числу относился марксизм, получивший в университетских кругах известность как «экономический материализм». Ф. Ф. Зелинский резко отмежевался от «экономического материализма», объявив себя сторонником «идеологизма» [71].

Его пренебрежительное отношение к «экономическому материализму» выросло не на пустом месте. Тезаурус ряда сочинений профессора, где встречаются понятия «правящие классы» [72], «производительные силы» [73], «социалистические начала» [74], свидетельствует о его знакомстве с марксистской литературой. Его рассуждения о развитии товарно-денежных отношений, в ходе которых деньги сами становятся товаром [75], дают основание предположить, что Ф. Ф. Зелинский был знаком с экономической теорией К. Маркса. Он, без сомнения, интересовался сочинениями «отца современного социализма Ф. Лассаля», о чём сообщает в одном из своих трудов [76]. Однако марксистская и социалистическая теории не произвели на него впечатления: они показались ему легковесными, надуманными, недостаточно аргументированными. Стремление сторонников теории «экономического материализма» к достижению универсализма, проявлявшееся в попытках объяснять явления духовной культуры при помощи «экономического принципа», он признавал не просто ошибочным, но и наивным, так как культура не может служить, по его убеждению, «маловажным и излишним придатком экономической жизни» [77]. Напротив, «экономический принцип» подчиняется «идеологизму», так как материальная, общественно-политическая, правовая культура человечества находятся в зависимости от «идеологизма», выражающего движение стремлений человека к своим идеалам [78].

Придя к этим выводам при осмыслении греко-римской истории и культуры, Ф. Ф. Зелинский предлагал последовать его примеру: искать истину с опорой на «безусловное, вечное» – античность, потому что, «изучая прошлое, мы изучаем нашу действительность в том, что в ней есть самое прочное, самое живучее» [79]. В этом контек-

сте нищезанятость, как и многие другие концепции, идеи, теории, определявшие культурные смыслы эпохи рубежа XIX–XX вв., оказывалось, с точки зрения профессора, модным увлечением [80], интерес к которому был быстро проходящим.

Не опровергая этого утверждения, вместе с тем отметим, что полностью отрицать воздействие на сознание интеллектуалов «модных увлечений» не приходится, так как именно они формируют кругозор, спектр исследовательских интересов, пространство вызревания собственных идей, язык дискурса. Наглядным примером является личность самого Ф. Ф. Зелинского.

Основу его мировоззрения составлял глубокий пласт идей, моральных установок, научных представлений, синтез гносеологии гуманитарного и естественно-научного знания. Убеждения учёного формировались в обстановке контрастных исследовательских парадигм и атмосфере поиска, которыми характеризовались и общественно-политическая среда, и идейно-нравственная жизнь очевидцев переломной эпохи рубежа XIX–XX вв.

Вопросы дальнейшей судьбы России, волновавшие сознание интеллигенции, определили политическую позицию Ф. Ф. Зелинского: он стал либералом-западником, возлагавшим свои надежды на будущее российского государства с реформированием правосознания и системы юриспруденции, ликвидацией сословных предрассудков, появлением гражданской ответственности чиновников и порядочности руководителей общественного мнения, доступностью просвещения для широких народных масс, совершенствованием нравственной природы человека.

Отсутствие в либерализме либеральной религии, философии, нравственности [81] заставило Ф. Ф. Зелинского, как и его соратников по партии кадетов, искать свои социальные, этические, религиозные ориентиры в популярных на Западе и в России эманациях «духовной» энергии. Вместе с тем, в отличие от своих политических единомышленников, Ф. Ф. Зелинский принимал лишь те идейные ценности, которые имели своим истоком античное «семя». Отсюда его религия будущего – это христианство, возникшее в античную эпоху, нравственность будущего – постижение идеалов истины, добра и красоты, зародившихся в континууме античной культуры и воплощавшихся в философии, изобразительном искусстве, литературном творчестве Нового и Новейшего времени, человек будущего – личность, воспитанная на идеалах античности и соотносящая их с законом «социального подбора».

Не имея чётких представлений об образцовой форме государственного устройства, Ф. Ф. Зелинский пытался вслушиваться в проявления мировой Воли, диктующей, по его мнению, потребности общественной динамики и управляющей поведением человека. Считая человека существом, в значительной мере смоделированным трансцендентными силами, Ф. Ф. Зелинский в то же время верил в безграничные возможности познания индивида, особенно принадлежащего к интеллектуальному братству учёных.

Возникшая в XIX в. система интеграции научных знаний открывала дополнительные перспективы для учёных, готовых раздвигать горизонты специальных дисциплин (путём экстраполяции теоретических положений и применения неизвестных прежде исследовательских методов) и с помощью междисциплинарного синтеза открытий проникать в непознанные ещё сферы существования природы, человека, общества. Сам Ф. Ф. Зелинский – филолог по образованию – с увлечением изучал естественно-научные дисциплины и практическую психологию, с тем чтобы найти ключ к пониманию психологии личности, поведения «толпы», изучению менталитета греко-римского народа.

Картина мира, складывавшаяся в сознании Ф. Ф. Зелинского, была довольно противоречивой, так как на её формирование оказывали влияние диссонирующие между собой научные теории, философские искания, взгляды историков, настроения филологов и литераторов. Так, его либерализм и рационализм сосуществовали с иррационализмом – интересом к таинственному и мистическому. Это, по мнению Ф. Ф. Зелинского, и могло только по-настоящему выразить «полноту мирозерцания» человека, в котором должно было найтись место феноменам, не объяснимым ни опытом, ни знанием [82].

Привлекательность достижений в естественно-научных дисциплинах не мешала ему сохранять веру во всемогущество метафизической мировой Воли; интерес к неоязыческой биологической этике, возникший вследствие увлечённости профессора нищезанятостью, сосуществовал с христианской этикой, поэтому он проповедовал традиции жалости и жертвенности, что, в свою очередь, разрушало идею «сверхличности», предложенную философией Фр. Ницше. Напомним также, что Ф. Ф. Зелинский был непримиримым противником «экономического материализма». Игнорируя экономические законы развития общества, открытые марксизмом, профессор

объявлял себя сторонником «идеологизма» и отводил стремлениям человеческой души к совершенствованию природных задатков и социально-политических институтов главную роль в процессе эволюции истории культуры. Затуманенность «экономического принципа» при очевидной акцентуации культурно-идеологической доминанты может дать повод для сомнений в том, что Ф. Ф. Зелинский всегда в своих исследованиях добивался истины и правдивости, хотя в реализации именно этой цели он видел предназначение историков, и своё в том числе [83].

Примечания

1. О Ф. Ф. Зелинском см.: Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Теория прогресса в методологических построениях Ф. Ф. Зелинского [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 1. – С. 217–227; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Вопросы этнопсихологии античных народов в трудах Ф. Ф. Зелинского [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2. – С. 182–189.
2. Зелинский, Ф. Ф. Уголовный процесс двадцать веков назад [Текст] // Из жизни идей: научно-популярные статьи. – 3-е изд. – Т. 2. – Древний мир и мы. – СПб., 1911. – С. 285.
3. Зелинский, Ф. Ф. Вильгельм Вундт и психология языка [Текст] // Из жизни идей. – Т. 2. – С. 168.
4. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст] // Из жизни идей. – Т. 2. – С. 4, 107, 108, 144; Он же. Вильгельм Вундт ... [Текст]. – С. 219.
5. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 32.
6. Там же. – С. 13.
7. Там же. – С. 98.
8. Там же.
9. Там же. – С. 119.
10. Там же. – С. 120. Даже в примерах, взятых из ботаники и зоологии, на наш взгляд, имплицитно присутствует мысль об эталонности античного наследия, которое может спасти от уничтожения генетически близкие формы и виды национальной культуры. К примеру: «Так ведь и животные породы облагораживаются путём скрещивания не с другими видами, как бы они ни были совершенны, – такие скрещивания производят лишь неспособных к размножению ублюдков, – а с выдающимися особями своего рода» (С. 120).
11. Там же. – С. 141.
12. Там же. – С. 14.
13. Там же. – С. 15.
14. Зелинский, Ф. Ф. Вильгельм Вундт... [Текст]. – С. 154, 155.
15. Там же. – С. 154, 155

16. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 85, 117; Он же. Художественная проза и её судьба [Текст] // Из жизни идей. – Т. 2. – С. 251.
17. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры [Текст]. – 2-е изд. / ред. и прим. С. П. Заикина. – СПб., 1995. – С. 3, 7.
18. Литературная энциклопедия / отв. ред. А. В. Луначарский. – М., 1930. – Т. 4. – С. 333.
19. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 30.
20. Там же. – С. 36–41, 46.
21. Там же. – С. 45.
22. Там же. – С. 30, 34, 45 и др.
23. Там же. – С. 74.
24. Там же. – С. 72.
25. Зелинский, Ф. Ф. Идея нравственного оправдания [Текст] // Из жизни идей: Научно-популярные статьи. – 3-е изд., испр. и доп. – Т. 1. – Пг., 1916. – С. 2.
26. См., к примеру: Самохвалова, В. И. Вячеслав Иванов и русский постмодернизм [Текст] // ВФ. – 2001. – № 8. – С. 66–76; Стернин, Г. Ю. Художественная жизнь России второй половины XIX века. 70–80-е годы [Текст]. – М., 1997; Лосев, А. Ф. Владимир Соловьёв и его время [Текст]. – М., 1990.
27. Ф. Ф. Зелинский упоминает «классиков, романтиков, натуралистов», которые по-разному воспринимали значение античной литературы и искусства. См.: Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 110.
28. Зелинский, Ф. Ф. Фридрих Ницше и античность [Электронный ресурс] // www.neitzsche.ru/look/zelinsky.php
29. Зелинский, Ф. Ф. Идея нравственного оправдания [Текст]. – С. 2.
30. Марков, Б. В. Человек, государство и Бог в философии Ницше [Текст]. – СПб., 2005. – С. 470.
31. Самохвалова, В. И. Указ. соч. – С. 69–75.
32. Зелинский, Ф. Ф. Гейдельберг [Текст] // Из жизни идей. – Т. 1. – С. 425, 426.
33. Зелинский, Ф. Ф. Гермес трижды величайший [Текст] // Из жизни идей: Научно-популярные статьи. – Т. 3. Соперники христианства: Статьи по истории античных религий. – СПб., 1907. – С. 118, 119, 122.
34. Там же. – С. 112.
35. Зелинский, Ф. Ф. Новый памятник древнеримского быта [Текст] // Из жизни идей. – Т. 1. – С. 228, 317.
36. Там же. – С. 310.
37. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 120; Он же. Новый памятник древнеримского быта [Текст]. – С. 285; Он же. Рим и его религия // Из жизни идей. – Т. 3. – С. 13.
38. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 5, 98, 100, 101, 104, 106; Он же. Античная гуманность [Текст] // Из жизни идей. – Т. 3. – С. 209.
39. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 12, 71.

40. Зелинский, Ф. Ф. Характер античной религии в сравнении с христианством [Текст] // Из жизни идей. – Т. 2. – С. 348.
41. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы. – С. 3–5.
42. Там же. – С. 98.
43. Там же.
44. См., к примеру: Зелинский, Ф. Ф. Старые и новые пути в гомеровском вопросе [Текст] // ЖМНП. – 1900. – Май. – С. 189, 190.
45. Зелинский, Ф. Ф. Парламентаризм в Римской республике [Текст] // Из жизни идей. – Т. 1. – С. 280.
46. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 106.
47. Там же.
48. Марков, Б. В. Указ. соч. – С. 527.
49. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры [Текст]. – С. 5, 10, 366.
50. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 100.
51. Там же. – С. 142.
52. Там же. – С. 143.
53. Марков, Б. В. Указ. соч. – С. 483, 550–557, 676–678 и др.
54. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 96–108.
55. Зелинский, Ф. Ф. Из жизни идей [Текст]. Т. 1. Предисловие к третьему изданию. – С. VIII.
56. Зелинский, Ф. Ф. Фридрих Ницше и античность [Электронный ресурс] // www.neitzsche.ru/look/zelinsky.php
57. Там же. – С. 9.
58. Там же. – С. 8, 9.
59. Там же. – С. 10.
60. Марков, Б. В. Указ. соч. – С. 470.
61. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 120.
62. Зелинский, Ф. Ф. Характер античной религии в сравнении с христианством [Текст]. – С. 363.
63. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 107.
64. Зелинский, Ф. Ф. Идея нравственного оправдания [Текст] // Из жизни идей. – Т. 1. – С. 2.
65. Отметим, однако, что Ф. Ф. Зелинский предпринимал попытки писать в символической манере. Об этом свидетельствует статья «Vince, Sol!», помещённая во второй том сборника «Из жизни идей» (С. 379–412). Других аналогичных попыток мы не знаем, хотя учёный нередко допускал пространные, двусмысленные, сложные для понимания фразы.
66. Зелинский, Ф. Ф. Характер античной религии в сравнении с христианством [Текст]. – С. 348.
67. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 107.
68. Зелинский, Ф. Ф. Характер античной религии ... [Текст]. – С. 349.
69. Там же. – С. 349.
70. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 117.
71. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры [Текст]. – С. 3.
72. Зелинский, Ф. Ф. Рим и его религия [Текст]. – С. 67, 68.
73. Зелинский, Ф. Ф. Воскресшие поэты [Текст] // Из жизни идей. – Т. 1. – С. 129.
74. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 106.
75. Зелинский, Ф. Ф. Новый памятник древнеримского быта [Текст]. – С. 304, 305.
76. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 106.
77. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры [Текст]. – С. 4.
78. Там же. – С. 4, 5.
79. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 107.
80. Там же. – С. 100.
81. Кузьмина, И. В., Лубков А. В. Князь Шаховский: Путь русского либерала [Текст]. – М., 2008. – С. 136.
82. Зелинский, Ф. Ф. Религия эллинизма [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Эллинская религия. – Минск, 2003. – Пг., 1922. – С. 109.
83. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст]. – С. 87.